Л.Д.Чернышова,
доктор социологических наук, профессор

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННОГО МЕХАНИЗМА

Одной из самых острых проблем современного российского общества является мотивация творческого и созидательного труда. Преобладание макроэкономического регулирования общественных, главным образом экономических, преобразований стало причиной того, что социальный эффект от реформ оказался значительно ниже прогнозируемого, вследствие чего они не приобрели необходимого динамизма и последовательности. Социальные результаты трансформационного процесса устойчиво фиксируют влияние социально-политического и психологического фона на характер социальных сдвигов[1], который во многом определяется ценностно-мотивационной системой социального поведения различных групп общества. Изучение этой системы дает возможность выявить как степень адаптированности людей к социальным условиям, так и определить степень социальной прочности общественного развития.

Результаты социологических исследований социальных ценностей отражают не только определенные мировоззренческие «разломы», своеобразное «купирование» нравственного сознания[2], но одновременно и сохранение определенной устойчивости некоторых нравственных ценностей. В их числе – социальная справедливость, фундаментальное понятие философии, этической теории, социологии, тесно связанное с идеей равенства. «Справедливость» – категория, соотносимая с высшей гуманистической ценностью, основные компоненты которой отражают представления людей о цели и смысле их жизни через вполне «заземленные» индикаторы: свобода, равенство, правда, общественный престиж и т. д. Именно они выступают в качестве «фильтра» при оценке людьми степени справедливости и благополучия общества, а также их собственного социального комфорта.

[1] В статье использованы результаты социологических исследований, проведенных Социологическим центром РАГС в 2003 г.: «Государственная служба и гражданское общество в условиях проведения административной и судебно-правовой реформ» и «Социальная справедливость в массовом сознании российского общества».

[2] См.: *Покровский Н.Е.* Роль поколений в процессе глобализации современной России. Россия в глобальном контексте. М., 2002. С. 91.

Исходя из того, что понятие «справедливость» – это общечеловеческая ценность, которая на каждом историческом этапе развития общества получает конкретное наполнение, надо признать, что современные темпы социальной поляризации превращают проблему социальной справедливости в один из источников социального напряжения. Социальная справедливость сохраняет устойчивость в сознании российского населения как базовая в ценностно-мотивационной системе поведения. На начальном этапе реформирования общества она трактовалась как возможность для всех социальных групп раскрепостить инициативу во всех сферах жизнедеятельности, скорректировать социальное поведение в соответствии с личными потребностями. Появление элементов кризиса как особого состояния социальной системы, резко ограничивающей обычные способы взаимодействия с социальной средой, привело к тому, что «справедливость» в массовом сознании перешла в плоскость распределения ответственности за ухудшение материального состояния между государством и обществом.

Чувство социальной справедливости обостряется в переходные периоды. В значительной степени это обусловлено восприятием отношения государства к своим гражданам как несправедливого. По результатам социологических исследований, свыше 90% опрошенных отметили пренебрежение интересами людей, только 8,3% оценили деятельность чиновников госаппарата как защиту интересов граждан, более 80% указали на воровство и коррупцию, использование служебного положения в личных целях как устойчивые явления системы государственной службы. Уровень общественного доверия различным структурам власти довольно низок; исключение составляет Президент России.

Люди не верят в то, что законным путем можно добиться справедливости (54,3%), и одна из причин этого – незнание законов (38,5%). Это недоверие ощущают и сами государственные служащие, на что указывают результаты их опроса. В частности, на вопрос: «Какие качества служебного этикета важны для работы?» от 37,3 до 58,9 % как необходимые выделили следующие: способность брать ответственность на себя, доброжелательность, честность, а 25,8% прямо назвали социальную справедливость.

Наиболее достоверным результатом любого индивидуализированного принципа справедливости является состояние общества в целом: структура распределения, удовлетворение потребностей, реализованность прав и вознаграждение заслуг. Подобное распределение говорит о том, насколько эффективен сам принцип, в интересах каких классов и групп он может использоваться и используется, каким социальным слоям выпадают его «издержки». Около 40%

респондентов однозначно оценивают свое материальное положение как «плохое» и «очень плохое», не рассчитывая на изменение его к лучшему в ближайшее время.

Причины появления новых механизмов социальной несправедливости люди усматривают в основном в «злой воле» власти. В оценке доминирующих способов государственного управления отмечается «преобладание административного произвола чиновников» (более 40%), «анархии» (более 20%,), при этом около 23% не смогли определиться по данному вопросу.

Одна из серьезнейших социальных проблем заключается в негибком поведении политических, экономических и административных элит, их «закрытости». Так, на необходимость открытости органов власти как одно из условий «подлинной демократии» указали 90% респондентов, около 80% посчитали важным учет гражданских инициатив населения, более 70% – деятельность общественных организаций. Стагнация рассогласованности интересов управляющих и управляемых сокращает коэффициент эффективности социальной политики, ее способности блокировать социальную напряженность, неизбежную в переходный период. Нерациональность поведения элит выражается не только в эскалации коррупции, но и в нежелании «делиться» своими возрастающими доходами. В силу этого необходимо считаться с тем, что привязанность определенных категорий населения к некоторым социалистическим принципам – это не устаревшие стереотипы, порожденные советской властью и периодом «застоя», а компоненты их реального сознания, имеющие глубокие корни, уходящие в социальный опыт развития нашей страны.

Вполне естественно, что логика и законы рыночной экономики исключают сохранение в первозданном виде таких традиционных ранее аксиом, как стремление к имущественному равенству, что постепенно осознается и населением. Среди наиболее острых и нерешенных проблем 73,4% опрошенных отметили «достаточный доход» и почти столько же «обеспечение социальной справедливости». Вместе с тем это не означает однозначного стремления к равенству доходов в обществе, как критерия социальной справедливости. Эта позиция фиксируется примерно у 40% респондентов. В большей степени стремление к равенству проявляется через равные шансы на образование (около 80%); достаточное медицинское обслуживание (около 80%) и т. п.

Эти оценки отражают восприятие массовым сознанием справедливости как распределительной, порожденной депривацией как неравенством доступа к социальным благам. Депривация связана с бедностью и другими формами социального неблагополучия. В современном российском обществе это явление носит характер

множественной депривации[1], тенденции совмещения факторов неравного доступа к общественным благам в разных областях. К примеру, низкий доход или безработица сочетаются с плохими жилищными условиями и т. п. Между тем тенденция социального равенства как идеал многих поколений учитывается в социальной политике ряда стран с рыночной экономикой. В Венгрии, например, позитивному потенциалу социального равенства как ценностной ориентации придается важное значение, но при условии взаимодействия с другими показателями, такими как экономическая эффективность, имущественная заинтересованность и т. п.

В России процесс адаптации к новым социально-экономическим условиям осложняется переоценкой ценностей и правил социального взаимодействия, особенно при «встраивании» в рыночные структуры.

Ценностно-мотивационные регуляторы экономического поведения при всей своей функциональной латентности обладают социальной устойчивостью. Явное преобладание материальных мотивов в системе мотивации можно считать ситуативной тенденцией. По мере социального развития модифицируется структура потребностей личности, наряду с первичными потребностями достойное место занимают потребности в культурном, духовном развитии, саморегуляции в трудовой и социальной деятельности. Тенденция нематериальных мотивов никогда до конца не угасала среди определенных представителей экономически активного населения России, нередко становясь причиной межличностного дискомфорта. Альтернатива «быть» или «иметь» в современный период так же актуальна, как и много лет назад, хотя все чаще проявляется стремление соединить обе позиции в единое целое.

Представления о справедливости на макроуровне отражают в общественном сознании разные принципы распределения общественного богатства. Эмпирически эти принципы представлены в виде различных суждений, выражающих ориентацию на неравенство и уравнительность.

Уравнительные принципы имеются и в странах с рыночной экономикой. К примеру, данные сравнительного исследования по проблемам социальной справедливости, проведенного в России и Эстонии, показали, что идею уравнительного распределения как справедливого поддерживают 21% опрошенных в Великобритании, 29% в Западной Германии, 19% в США[2].

---

[1] Это понятие ввели ученые Великобритании М.Браун, Н.Мэдж в 1970-е гг.

[2] См.: *Хахулина Л.А, Саар А., Стивенсон С.А.*. Представление о социальной справедливости в России и Эстонии: Сравнительный анализ // Экономические и социальные перемены. М., 1996. С. 19.

Идея распределения по труду как основополагающий принцип идеологии социализма по-прежнему остается доминирующим в массовом сознании. Однако и новые идеи, основанные на признании справедливости индивидуальных достижений, если основаны на равных возможностях получить образование, выбрать для себя подходящее занятие, достаточно популярны в массовом сознании.

Изменение нравственных ориентиров населения затрудняет процесс включаемости в изменившиеся экономические и трудовые отношения. Носителями традиционных или инновационных ценностей и установок выступают определенные социально-демографические группы.

Социокультурные ориентации, ценности, установки существуют в сознании не изолированно, а в некотором упорядоченном виде, образуя совокупности взаимосвязанных характеристик – синдромы. В основе их лежат стержневые свойства – социально-культурные доминанты сознания. Главную их функцию Э.Фромм, к примеру, видел в необходимости существования для человека системы ориентации. «Эта картина должна быть структурированной и внутренне связной. Человек нуждается в карте всего природного и социального мира, без которой он заблудился бы и не мог целесообразно и последовательно действовать. Он не мог бы ориентироваться и найти для себя точку отсчета, которая позволила бы ему организовать свои впечатления»[1]. Возможно, социокультурные доминанты сознания различного уровня и служат теми «точками отсчета», которые позволяют человеку ориентироваться и действовать. Возможно также, что их роль и значение возрастают в периоды серьезных изменений, во времена кризисов и потрясений.

В современных экономических условиях сосуществуют две основные социально-культурные доминанты. Первая, традиционная, исходит из коллективистских ориентаций. На эмпирическом уровне проявления коллективизма фиксируются следующими индикаторами: стремление работать в коллективе, рассматривая труд как часть общего дела, смысл для всех работающих; ценность неформальных отношений в коллективе, солидарность и взаимопомощь, защищенность, сопричастность; стремление сохранить коллектив как целое, даже ценой ухудшения материального вознаграждения.

Вторая доминанта ориентирована на опору на собственные силы в соответствии с философией прагматизма. В числе ее индикаторов можно выделить следующие: отношение к труду как к частному делу работающего; приоритет личных интересов; предпочтение личных интересов; уверенность в возможности достижения личного успеха;

[1] См.: *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 1993. С. 109.

ориентация на профессионализм, как доминанта экономического поведения.

Следует учитывать, что социокультурные переменные зависят от поколенческих различий, уровня образования, степени урбанизации и других факторов внешней и внутренней регуляции поведения. Рынок как экономический механизм и важная цель экономических преобразований в России способствует формированию определенной этики. Он диктует определенное поведения всех, кто участвует в его функционировании. Мораль чистого рынка не распространяется на реального и конкретного человека, независимо от неудовлетворенных жизненных потребностей. Человеческие потребности не столько учитываются, сколько «имеются в виду». Субъект без денег не занимает никакого места в логике рынка, даже если он и составляет большинство. С ним считаются в той мере, в какой он является продавцом своей рабочей силы, но не человеком с потребностями.

Рыночная логика исключает справедливость. Этика рынка требует невмешательства в товарные отношения в качестве основной нормы, тем самым возводя свободу рынка на ступень высшей ценности общества. Это свобода понимается прежде всего как соблюдение права каждого относиться к рынку по своему собственному индивидуальному решению. Это есть свобода контрактов, предпринимательства, собственности, цен и т. д. Она стимулирует личный успех одних и оправдывает, как необходимость социальной цены, неудачи других.

В этих условиях право на жизнь перестает быть социальным вопросом и превращается в личную проблему каждого человека. Стимулируется этика жертвенности, удовлетворение человеческих потребностей откладывается до тех пор, пока рынок не находит решения этой проблемы. Утверждается защита неравенств естественного начала и частной собственности. Солидарность имеет место в отношениях с семьей, близкими друзьями, в религиозных кругах. Сложность решения социальных проблем превращает этику рынка в сознании бедных в этику безнравственности.

В логике рынка сложно решаются такие проблемы, как экологическое равновесие, контроль демографического роста, забота о бедных, о будущих поколениях. Переход к рыночным принципам хозяйствования означает полную смену культурного мира, изменения охватывают все сферы общественной жизни. При социализме в общественное сознание людей настойчиво внедрялось понимание того, что человек и его жизнь – это центральная ценность. В современных условиях происходит понимание того, что личность существует постольку, поскольку включена в рыночные отношения. Это новые стандарты «сквозной» адаптации, которая создает соци-

ально-экономическое «поле» для ситуационной, непосредственной адаптации каждого человека, которая реализуется в определенных типах поведения. Поведение находится в «эпицентре» всех социальных проблем экономической жизни, его эффективность рассматривается в ракурсе адаптивной ценности. Среди наиболее острых проблем в этом русле является проблема выживания и сохранения личности в условиях кризиса экономической и социокультурной основы человеческой жизни.

За годы экономической трансформации структура мотивов трудового и экономического поведения существенно изменилась. В определенной степени произошла ее деформация: за счет преувеличения одних элементов (потребностей), противоречивости (убеждения) других, уменьшения общественной значимости (установок) третьих и определенной нейтрализации под давлением ситуативной адаптации (ориентации экономического поведения на перспективу) четвертых. Огромную роль приобрели такие регуляторы социального поведения, как деньги, престиж, власть и другие при одновременном отходе на задний план морально-этических принципов.

Разнообразие поведенческих типов, их ценностно-мотивационных систем актуализирует проблему создания социального поля «совместимости» их деятельности как необходимого условия устойчивого развития общества. Вопрос о социальной справедливости представляется чрезвычайно актуальным, а его адекватное решение – безусловно необходимым.